

Горбанева Анна Васильевна

АМЕРИКАНСКАЯ И БРИТАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ПОСЛЕДСТВИЯХ ВОЕННОГО КОНФЛИКТА В ЧЕЧНЕ

Статья раскрывает представления о последствиях российско-чеченского конфликта, озвученные в работах американских и британских исследователей. Впервые в рамках изучения западной историографии войны в Чечне анализируются основные блоки предполагаемых и фактических последствий конфликта как для российской, так и для чеченской сторон. Отдельное внимание уделяется рекомендациям, предложенным западными исследователями по урегулированию конфликта в Чечне, выдвигаются предположения об их возможной эффективности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/1-1/12.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 1 (27): в 2-х ч. Ч. I. С. 47-51. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

объяснялось ненужностью его назначения) разбито уже на кварталы и улицы, и жители покупают места» [4, д. 27, л. 12 об.]. Кардинальные изменения в планировочной структуре города связаны с началом развития нефтяной промышленности в XIX веке, когда феодальный город остается в рамках крепостных стен, а новый город, созданный за его пределами, развивается по законам европейского градостроительства.

Список литературы

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1866-1904. Т. VI. Ч. 1.
2. Ашурбейли С. Б. Государство Ширваншахов (VI-XVI вв.). Баку: Элм, 1983. 341 с.
3. Государственный исторический архив Азербайджанской Республики (ГИААР). Ф. 30. Оп. 1.
4. ГИААР. Ф. 45. Оп. 2.
5. ГИААР. Ф. 389. Оп. 3.
6. Рзаев Н. И. Северные ворота крепостных стен города Баку // Памятники архитектуры Азербайджана: сб. материалов. Баку: Азернешр, 1950. С. 123-127.
7. Саламзаде А. В. Архитектура Азербайджана XVI-XIX вв. Баку: Изд. АН Азербайджана, 1964. 255 с.
8. Сарабский Г. Старый Баку [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ourbaku.com/> (дата обращения: 10.11.2012).
9. Тагиев Ф. А. История города Баку в первой половине XIX века (1806-1859 гг.). Баку: Элм, 1999. 105 с.
10. Усейнов М. А., Бретаницкий Л. С., Саламзаде А.-В. История архитектуры Азербайджана. М.: Государственное издательство литературы по строительству, архитектуре и строительным материалам, 1963. 396 с.
11. Фатуллаев Ш. С. Градостроительство Баку XIX - начала XX в. Л.: Стройиздат, 1978. 215 с.
12. Цховребова Т. Из истории зеленого строительства Баку // Искусство Азербайджана. Баку: Изд. АН Азербайджана, 1956. Т. 5. 327 с.
13. Lerche J. J. Lebens und Reisegesichte von ihm selbst beschreiben. Halle, 1791. 502 S.

HISTORICAL PRECONDITIONS OF ROADS AND TRANSPORT ENVIRONMENT FORMATION IN BAKU CITY IN THE XVIITH - THE BEGINNING OF THE XIXTH CENTURY

Farida Rauf kyzy Gasymova

Department "Architectural Construction and Monuments Restoration"

Azerbaijan University of Architecture and Construction

faridagasimova@hotmail.com

The author researches city planning situation in Baku, basing on the historical descriptions, evidence, map materials created during the period from the XVIIth till the XIXth century, and pays special attention to the geographical location of Baku, the climatic features that affect street network construction, as well as the political and economic aspects that are central for the creation and formation of the city transport environment.

Key words and phrases: transport environment; street network; transport arteries; highway; relief; planning structure.

УДК 930

Исторические науки и археология

Статья раскрывает представления о последствиях российско-чеченского конфликта, озвученные в работах американских и британских исследователей. Впервые в рамках изучения западной историографии войны в Чечне анализируются основные блоки предполагаемых и фактических последствий конфликта как для российской, так и для чеченской сторон. Отдельное внимание уделяется рекомендациям, предложенным западными исследователями по урегулированию конфликта в Чечне, выдвигаются предположения об их возможной эффективности.

Ключевые слова и фразы: американская историография; британская историография; российско-чеченский конфликт; руссификация; чеченский сепаратизм; урегулирование конфликта.

Анна Васильевна Горбанева

Волгоградский государственный университет

gorbaneva84@yandex.ru

АМЕРИКАНСКАЯ И БРИТАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ПОСЛЕДСТВИЯХ ВОЕННОГО КОНФЛИКТА В ЧЕЧНЕ®

В контексте объявленного 15 апреля 2009 года окончания режима контртеррористической операции в Чечне перед Российской Федерацией встала задача построения новых отношений с населением послевоенной республики. Одной из принципиально важных составляющих данного процесса является создание

максимально объективной картины военного конфликта и его последствий. Обращение с этой целью не к отечественной, а к зарубежной, а именно, американской и британской историографии российско-чеченских отношений поможет не только большей достоверности, но и полноте создаваемого образа конфликта. Выделение в работах западных исследователей как потенциально возможных, так и уже сказывающихся последствий войны в Чечне в дальнейшем может быть положено в основу государственной политики Российской Федерации. В то же время, ряд предположений относительно воздействия конфликта требуют критического анализа и сопоставления с российскими реалиями.

Первые попытки подведения итогов военного конфликта в Чечне содержатся в работе американского историка М. Евангелисты. Автор, рассматривавший войну на Северном Кавказе в рамках проблемы отношений Российской Федерации с ее субъектами, в качестве главных итогов выделяет возможные последствия для целостности государства. Говоря о возможном негативном влиянии контртеррористической операции 1999-2009 годов, М. Евангелиста отмечает следующий факт: российское правительство, говорящее об опасности дезинтеграции государства, тем не менее, игнорирует возможное недовольство его действиями в среде мусульман, составляющих одну шестую часть населения страны [3, р. 196]. Таким образом, автор озвучивает опасение возможной утраты российским правительством доверия мусульманской части населения. Первоначально оно выглядит обоснованным, особенно на фоне возрастающей остроты религиозного фактора в современном мире. Но необходимо отметить, что исследователи, высказывавшие подобное мнение, едва ли четко представляют себе структуру и взаимные отношения российских мусульман. В работах авторов, затрагивавших проблему самосознания народов, которые населяют Российскую Федерацию и исповедуют ислам, отсутствует очевидное для российских исследователей региональное разделение среди мусульман.

Существенным реальным следствием вооруженного конфликта в Чечне М. Евангелиста называет осложнение отношений Российской Федерации с мировым сообществом. Американский историк уделяет внимание проблеме стремления России изменить сложившееся на Западе негативное представление о военных действиях на Северном Кавказе путем включения борьбы с чеченскими сепаратистами в общий контекст войны с терроризмом. Рассматривая международную ситуацию, сложившуюся в промежутке между атаками 11 сентября 2001 и вводом сил НАТО в Афганистан, автор отмечает, что попытки России представить себя как жертву терроризма оказались вполне окупившимися. Заявления ведущих мировых лидеров о понимании российских проблем создали впечатление молчаливого одобрения ее действий в Чечне. Однако, по мнению М. Евангелисты, эти заявления лишь создали видимость, а реальных изменений не произошло. Поэтому, оценивая вероятность получения Россией поддержки своих действий в Чечне, американский историк предполагает, что реальные изменения будут зависеть, скорее, от реакции российского правительства на критику и требования мировых правозащитных организаций [Ibidem, p. 181].

Такое мнение первоначально создает впечатление политического идеализма автора, однако его дальнейшие рассуждения указывают на более реалистичное восприятие политических процессов вокруг России и чеченского конфликта. В частности, М. Евангелиста рассматривает возможность сделки между Россией и Западом в рамках «реальной политики» и приходит к выводу о ее неосуществимости не из-за моральных или правовых аспектов, а из-за куда более прагматических соображений. По мнению американского историка, западные государства до сих пор не заинтересованы в полноценной интеграции России в свое сообщество и потому пользуются ситуацией вокруг Чечни как поводом для поддержания дистанции [Ibidem, p. 185]. Последние события (вступление России в ВТО, вероятность которого отрицал М. Евангелиста), несмотря на отсутствие признаков фактического окончания конфликта, подтверждают справедливость предположения исследователя об отсутствии объективной взаимосвязи между ситуацией в Чечне и отношениями России с мировым сообществом, по-видимому, действительно определяющимися более прагматическими соображениями, чем необходимостью соблюдения правовых норм.

Работа американских социологов Т. П. Гербера и С. Э. Менделсон примечательна тем, что является фактически первым западным исследованием, посвященным последствиям войны в Чечне для российского общества. Проанализировав многочисленные опросы мнений россиян по различным аспектам российско-чеченского конфликта, авторы отмечают, что в его ходе среди россиян практически отсутствовали сторонники сохранения *status quo*, различались лишь представления о необходимом масштабе вмешательства. При этом социологи сообщают, что основное недовольство россиян вызывали рост количества погибших среди военных и экономические последствия для государства. В то же время связь между абстрактным представлением о правах человека и конкретными их нарушениями в Чечне практически отсутствует в сознании россиян и поэтому не вызывает их недовольства. Давая объяснение этому факту, Т. П. Гербер и С. Э. Менделсон предположили, что это стало результатом намеренной информационной политики администрации В. В. Путина, препятствующей осознанию тождественности борьбы за соблюдение прав граждан и антивоенных протестов [5, р. 274].

Готовность гражданского общества пожертвовать частью гражданских свобод ради государственной безопасности, которой в итоге Т. П. Гербер и С. Э. Менделсон объяснили непоследовательную позицию большинства россиян, является, по их мнению, довольно типичной для государств, столкнувшихся с внутренней угрозой. В качестве других примеров, когда население, которое в целом признает необходимость соблюдения прав человека, соглашается на их временное ущемление, американские социологи приводят Северную Ирландию, Израиль, Испанию и даже Соединенные Штаты, где последствия 11 сентября 2001 года вызвали соответствующие изменения. Тем не менее, Т. П. Гербер и С. Э. Менделсон не ставят Россию в

один ряд с перечисленными странами. Как и большинство их коллег, для которых политические изменения, последовавшие за терактом 11 сентября 2001 года, стали лишь поводом для дополнительных комментариев, подчеркивающих различия между войной в Чечне и мировой борьбой с терроризмом, американские социологи утверждают, что у россиян значительно меньше оснований для подобных убеждений [Ibidem, p. 301].

Британский журналист А. Ливен, регулярно посвящавший свои статьи обзору конфликта в Чечне, выделяет все новые его последствия. После окончания активных боевых действий на Северном Кавказе автор, резюмируя ситуацию не только вокруг Чечни, но и в самой Российской Федерации, приходит к выводу, что даже полтора десятилетия спустя после начала горбачевской перестройки Россия находится гораздо ближе к началу трансформационного периода, чем к его завершению. По мнению британского исследователя, задача, стоящая перед российским обществом, осложняется тем, что к трансформации экономической, политической, социальной добавляется переход от имперского, точнее, уже от постимперского состояния к иному, до конца еще не артикулированному «образу жизни» [8, p. 251]. Последнее утверждение относится именно к неспособности российского правительства прийти к окончательному разрешению российско-чеченского конфликта методами, которые признаются мировым сообществом в достаточной степени демократическими и цивилизованными.

Анализируя положение, сложившееся в самой Чечне, А. Ливен заключает, что в республике также возникла тупиковая ситуация. Навязывание чеченцам московской модели «замирения» оказалось неэффективным, и, как предполагает исследователь, едва ли она принесет ожидаемые плоды в дальнейшем. Критикуя действия российской стороны, А. Ливен одним из первых высказывает свои рекомендации по преодолению последствий конфликта. Они заключаются в необходимости для России подвигнуть к согласию чеченские элиты, добиться, чтобы они, наконец, взяли на себя ответственность за республику перед собственным обществом. При этом определение характера и форм будущих отношений между Федерацией и Чечней не должно быть вопросом, который решается в первую очередь [6]. По прошествии десяти лет с момента озвучивания данных рекомендаций можно заключить, что российское правительство не предприняло каких-либо шагов в предложенном направлении. Неизвестно, насколько это связано с их выполнимостью или возможной эффективностью, однако дальнейшее построение внутренней политики в Чеченской республике продемонстрировало незаинтересованность России в формировании политического согласия в чеченском обществе «изнутри».

По мере снижения активности боевых действий в Чечне, с одной стороны, и подъема уровня терроризма на территории Российской Федерации - с другой, А. Ливен также обращается к проблеме международного восприятия российско-чеченского конфликта. В частности, он отмечает, что неоднозначная позиция США по отношению к вопросу о независимости Чеченской республики и отсутствие последовательной критики боевиков не только не способствуют разрешению конфликта, но негативно сказываются на перспективах российско-американских отношений [7].

Необходимо отметить, что первоначально внешнеполитический аспект конфликта в Чечне оставался в стороне от внимания западных исследователей. Появление очевидных последствий войны на Северном Кавказе для восприятия мировым сообществом Российской Федерации стало одним из важных итогов конфликта. Неожиданностью оказалось то, что пострадала репутация не только российской стороны. Если с начала конфликта в 1996 году поведение в нем России считалось индикатором ее демократического развития, то в нулевых годах встал вопрос не столько о соответствии Российской Федерации применяемым к ней требованиям, сколько об обратной связи, выраженной в последовательном отношении мирового сообщества. Применение же двойных стандартов, игнорирование некоторых норм международного права привели к снижению доверия России к таким организациям как, например, ОБСЕ.

Среди последствий в сфере международных отношений были отмечены не только негативные последствия для имиджа Российской Федерации, но и, наоборот, снижение доверия самой России к международным институтам. В частности, Р. Фаун, рассматривающий отношения России и Совета Европы в контексте войны в Чечне, приходит к выводу о двустороннем негативном воздействии конфликта на отношения с европейским сообществом. По мнению политолога, нарушения прав граждан в ходе контртеррористической операции на Северном Кавказе повредили репутации России в глазах Совета Европы. В свою очередь, непоследовательность позиции Совета серьезно подорвала доверие российской стороны к международным институтам и стала препятствием для интеграции России в мировую правовую систему [4]. Исследование Р. Фауна в некотором роде является частью диалога с его предшественником, М. Евангелиста. В частности, цитируя его высказывание об уменьшении международного давления на Российскую Федерацию после 11 сентября 2001 года, американский политолог критикует ОБСЕ за отсутствие каких-либо фактических действий, которые могли бы, по его мнению, послужить разрешению конфликта.

Одной из последних работ, опубликованных в период относительной стабилизации положения в Чеченской республике, является монография Дж. Расселла. Британский историк, в большей степени фокусирующийся на анализе войны в Чечне как проявлении внутренней политики Российской Федерации, прежде всего, выделяет последствия для развития государства. Говоря о влиянии войны в Чечне на построение демократии в России, Дж. Расселл приходит к выводу о двояких последствиях конфликта. С одной стороны, война трижды (в 1996, 2000 и 2004) спасала президентскую власть от так называемой «красно-черной» коалиции коммунистов и националистов [9, p. 68]. Спорность этого вывода сразу же бросается в глаза, Дж. Расселл явно преувеличивает «коммунистическую угрозу» уже в 2000 году, что в принципе характерно для западных

исследователей, которые в процессе изучения постсоветского периода истории России обнаруживали тревожные признаки возможного восстановления советского строя. Поэтому, если не считать угрозу возврата к прежнему режиму главным препятствием для развития демократических институтов, более реалистичным выглядит другой вывод Дж. Рассела, о том, что, оттягивая на себя финансовые ресурсы и позволяя российскому правительству использовать силовые методы, конфликт в Чечне создавал препятствия и замедлял переход к демократическому обществу [Ibidem, p. 69].

Рассматривая последствия войны в Чечне на социальном уровне, Дж. Расселл отмечает негативное влияние миграционных процессов, которые были вызваны конфликтом на Северном Кавказе. Среди них он выделяет, во-первых, последствия для самой Чеченской республики, лишившейся части своего, в том числе и русскоязычного населения, покинувшего Чечню в результате опасений за безопасность, несогласия с кадыровским правительством и экономических проблем. Во-вторых, британский историк отмечает последствия для России, где приток как напуганных беженцев, так и просто «выходцев с Кавказа» спровоцировал развитие «кавказофобии» [Ibidem, p. 171].

Помимо политических и социальных последствий, Дж. Расселл обозначает возможные психологические последствия для населения Чечни. Война в Чечне, в сочетании с войной с мировым терроризмом, может, по мнению британского историка, привести к возникновению в сознании молодых мусульман, и не только чеченских, новой ролевой модели, основанной на противостоянии «их» и «нас». Молодые чеченцы и представители других мусульманских народов Российской Федерации могут воспринять мировую борьбу с терроризмом, в которой участвует и Россия, как войну «не-мусульман» против мусульман, что, безусловно, будет способствовать сохранению конфликтного потенциала в государстве [Ibidem, p. 172].

Данная идея Дж. Расселла перекликается с мыслью, высказанной британским социологом Дж. Д. Вейлером. В своей работе он заключает, что за время обеих войн в Чечне сформировалось целое поколение психически травмированных, озлобленных молодых людей, не имеющих опыта нормальной мирной жизни. Именно злость, желание отомстить, недовольство и жажда наживы продолжают толкать многих чеченцев на различные противоправные действия [10, p. 115]. Эти выводы, сделанные британскими учеными, можно развить в рекомендацию российскому правительству: обратить особое внимание не только на экономическое или политическое восстановление республики, но и на психологическую реабилитацию ее населения, прежде всего – молодежи.

Как и ряд предшественников, Дж. Расселл рассматривает то, как отразилась военная кампания в Чечне на отношениях Российской Федерации с мировым сообществом. Так как работа британского историка была создана не только после атаки 11 сентября 2001 года, но и таких масштабных террористических актов, как захват заложников в театральном центре на Дубровке и школы в Беслане, то акцент изучения сместился с мировой борьбы с терроризмом на внутренние действия российского правительства. Поэтому Дж. Расселл в первую очередь отмечает, что правительству В. В. Путина все же удалось изменить восприятие чеченских сепаратистов во всем мире, представив их не как борцов за независимость, а исламских террористов. Достичь подобной смены мнений удалось не только путем акцентирования внимания Запада на общности террористической угрозы, но и в результате уничтожения ряда лидеров чеченских сепаратистов, представлявших собой, по мнению некоторых кругов, борцов за независимость [9, p. 108]. Выдвинутое автором предположение вполне логично объясняет практически полное прекращение международной критики событий в Чечне. Если еще за пять лет до этого Р. Фаун, а позднее А. Ливен уделяли значительное внимание вопросам адекватности реакции международных организаций на российскую политику в Чечне, то к 2007 году вопрос практически утратил свою актуальность, что вполне может объясняться успешностью обозначенной Дж. Расселом политики России.

Затрагивая глобальные последствия военного конфликта в Чечне и его отражение в современной мировой политике, Дж. Расселл задает вопрос, который обращен не столько к обычным читателям, сколько к политикам, использующим его исследования как основания для принятия внешнеполитических решений. По его мнению, главная проблема, которую поставила контртеррористическая операция в Чечне перед европейскими государствами, - это пассивное отношение мировой общественности. Основную причину практически полного невмешательства, в том числе и гуманитарного, и правового, ведущих стран мира в действия на Северном Кавказе Дж. Расселл обозначает как общую тенденцию современной политики. Британский историк приходит к выводу, что глобальная борьба с терроризмом позволяет заинтересованным государствам прикрывать и оправдывать свои действия, причем не только в случае российско-чеченского конфликта [Ibidem, p. 169]. Так как основная задача, поставленная Дж. Расселлом в рамках его монографии, заключается в том, чтобы рассмотреть контртеррористическую операцию в Чечне в контексте глобальной борьбы с терроризмом, то он приходит к выводу, что именно включение конфликта в ее контекст является основным препятствием к его решению.

Важным вкладом американской и британской историографии в изучение российско-чеченского конфликта стало создание различных рекомендаций по преодолению последствий конфликта как для Российской Федерации, так и для собственных правительств и мирового сообщества. Так, одна из мер, на которые должно пойти, по мнению Дж. Расселла, российское правительство, это официальные извинения перед чеченским народом за многочисленные притеснения на протяжении всей истории взаимоотношений и признание своих ошибок [Ibidem, p. 68]. По мнению британского историка, подобный поступок в духе В. Брандта должен оказать сильнейшее влияние на психологическом уровне и способствовать смягчению многих

противоречий. Возможные последствия выполнения данной рекомендации мало предсказуемы, однако сама идея Дж. Расселла о необходимости каких-либо официальных заявлений власти и систематического донесения до жителей Чечни и Российской Федерации некой примирительной позиции государства представляется весьма разумной и способствующей скорейшей реабилитации в первую очередь чеченского общества.

Наряду с замечанием Дж. Расселла о необходимости формулирования и официального озвучивания некой «примирительной» позиции государства по отношению ко всему российско-чеченскому конфликту, можно отметить и другую его рекомендацию, состоящую в отказе от использования категорий «силы» и «слабости» в процессе построения новых отношений с Чечней [Ibidem, p. 170]. Эта рекомендация очень важна в рамках психологического подхода к конфликту и его причинам. Если еще в начале его изучения Дж. Б. Данлоп писал о возможности поиска приемлемой формулировки статуса Чеченской республики, верной именно с психологической точки зрения [2, p. 203], то аналогичный подход может быть эффективен и для его завершения. Пока стороны озадачены в первую очередь своей репутацией и политическим самолюбием, мирное урегулирование будет недостижимо.

Таким образом, американской и британской исторической наукой было создано представление о целом комплексе последствий войны в Чечне. Прежде всего, выводы исследователей были ориентированы на воздействие конфликта на российскую сторону, западные исследователи сфокусировались на проблемах имиджа Российской Федерации в глазах мирового сообщества. Часть этих выводов может быть отнесена не только непосредственно к теперь уже истории российско-чеченского конфликта, но и анализу современного положения Российской Федерации на международной арене. В изучении воздействия войны в Чечне на российскую внутреннюю политику наименее спорным является вывод о негативном влиянии на процессы построения государственности в постсоветской России: финансовая, миграционная и правовая сферы пострадали, по мнению западных авторов, особенно заметно.

На фоне основной массы абстрактных критических высказываний и различных негативных прогнозов конкретные практические рекомендации по нормализации ситуации как в Чеченской республике, так и во всей Российской Федерации остаются хотя и самыми малочисленными, но крайне важными составляющими исследований, посвященных итогам российско-чеченского конфликта. Наиболее ценной из практических рекомендаций, данных западными исследователями, представляется предложение Дж. Расселла о принесении правительством Российской Федерации официальных извинений чеченскому народу за совершенные противоправные действия. Возможно, именно создание правильного психологического фона в российско-чеченских отношениях может стать отправной точной окончательного урегулирования конфликта, а не его искусственного «замирения».

Список литературы

1. **Горбанева А. В.** Анатолий Ливен о российско-чеченском конфликте конца XX - начала XXI века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 5. С. 28-31.
2. **Dunlop J. B.** Russia Confronts Chechnya: Roots of Separatist Conflict. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 234 p.
3. **Evangelista M.** The Chechen War: Will Russia Go the Way of the Soviet Union? Washington: Brookings Institution Press, 2002. 244 p.
4. **Fawn R.** Chechnya, Russia and Council of Europe [Электронный ресурс]. URL: http://www.st-andrews.ac.uk/intrel/media/Fawn_Chechnya.pdf (дата обращения: 10.10.12).
5. **Gerber T. P., Mendelson S. E.** Russian Public Opinion on Human Rights and the War in Chechnya // Soviet Affairs. 2002. Vol. 18. № 4.
6. **Lieven A.** A Different Way of Talking to Russia // International Herald Tribune. 2004. 18 October.
7. **Lieven A.** A Western Strategy for Chechnya // International Herald Tribune. 2004. 9 September.
8. **Lieven A.** Chechnya and the Laws of War // The Time of the South: Russia in Chechnya, Chechnya in Russia. Moscow, 2002.
9. **Russell J.** Chechnya-Russia's «War on Terror». L. – N. Y.: Routledge, 2007. 247 p.
10. **Weiler J. D.** Human Rights in Russia: a Dark Side of Reform. L.: Lynne Rienner Publishers, 2004.

AMERICAN AND BRITISH HISTORIOGRAPHY ABOUT CONSEQUENCES OF MILITARY CONFLICT IN CHECHNYA

Anna Vasil'evna Gorbaneva
Volgograd State University
gorbaneva84@yandex.ru

The author reveals the ideas about the Russian-Chechen conflict consequences, articulated in the works of the American and British researchers, for the first time within the study of the Western historiography of the war in Chechnya analyzes the main blocks of the supposed and factual consequences of the conflict for both the Russian and Chechen sides, pays special attention to the recommendations proposed by the Western researchers for the conflict resolution in Chechnya, and makes the assumption about their possible effectiveness.

Key words and phrases: American historiography; British historiography; Russian-Chechen conflict; Russia studies; Chechen separatism; conflict resolution.